

НЕОЛОГИЗМЫ И ДИСФЕМИЗМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НЕГАТИВНОГО МНЕНИЯ В ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕЗИНФОРМИРУЮЩИХ ТЕКСТАХ О COVID-19¹

А. Г. Моногарова, Е. И. Кобышева

Пятигорский государственный университет

Пятигорск, Россия

e-mails: alicha2002@mail.ru; alinach12@yandex.ru

В данной работе представлена часть результатов корпусного исследования русскоязычных текстов фейковых историй о новой коронавирусной инфекции, получивших популярность в первый год пандемии. Авторы иллюстрируют использование неологизмов и дисфемизмов в дезинформирующих текстах, продвигающих идеи ковид-диссидентства, а также формирующих негативное мнение о новых правилах, продиктованных эпидемиологической обстановкой.

Ключевые слова: дезинформация; вирусный фейк; пандемия; covid-19; неологизм; дисфемизм; электронный текст.

NEOLOGISMS, DYSPEMISMS AND NEGATIVE OPINION SHAPING IN MISLEADING E-TEXTS ABOUT COVID-19

A. G. Monogarova, E. I. Kobysheva

Pyatigorsk State University

Pyatigorsk, Russia

e-mails: alicha2002@mail.ru; alinach12@yandex.ru

This paper presents the results of a corpus-based study of Russian fake stories about coronavirus disease and related issues, spread during the first year of the COVID-19 pandemic. The authors illustrate the use of neologisms and dysphemisms in misleading texts which promote COVID-19 dissidence and shape negative opinion about the new rules dictated by the epidemiological situation.

Key words: disinformation; viral fake; pandemic; covid-19; neologism; dysphemism; electronic text.

В ситуации социальной нестабильности людям свойственна повышенная тревога о будущем. Так, 2020-й год показал, что общение в виртуальных микрогруппах имеет потенциал как для быстрого оповещения, так и для стремительного распространения дезинформации. В первый год пандемии COVID-19 особую популярность получила форма массовой рассылки слухов и якобы инсайдерской информации о коронавирусе и связанных с ним темах. Поток нефiltroванных данных и скорость их распространения среди всех групп населения даже породили

¹ Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта МК-2338.2020.6 по гранту Президента Российской Федерации.

ли новый термин «инфодемия», который означает «слишком большой объём ложной информации, транслируемой через цифровые платформы во время вспышки заболевания» [1]. Многие из часто пересылаемых пользователями текстов содержали ложную информацию о готовящихся ограничениях, запретах, симптомах вируса, состоянии больниц и количестве заболевших, а также мерах, предпринимаемых властями. Популярными были международные новости (о разработке вакцин, особенностях карантина) и объявления о ситуации в конкретных городах (например, о переоборудовании учреждений под госпитали для коронавирусных больных).

Высокий уровень доверия пользователей к подобным текстам, подтверждаемый их тиражируемостью, говорит о том, что электронный текст может выступать мощным инструментом манипулирования сознанием людей. В настоящей работе мы предпринимаем попытку определения ключевых языковых средств, используемых для конструирования дезинформирующих нарративов, которые привлекают внимание большого числа пользователей и оцениваются ими как достоверные. Исходя из лексикостатистических закономерностей, выявленных в результате анализа корпуса текстов, репрезентирующих популярные фейковые (ложные/выдуманные) истории, связанные с COVID-19, мы опишем два эффективных инструмента формирования негативного мнения – неологизмы и дисфемизмы.

Учитывая базовые стандарты построения специализированных корпусов (см., например: [2, 3, 4]), среди которых репрезентативность и баланс включаемых в коллекцию текстов, мы собрали текстовый банк из 491 наиболее популярных (не менее 50 000 просмотров в Сети) фейковых историй всех существующих жанров (информация от «инсайдеров» / история очевидца; информация от авторитетного источника (высокопоставленного знакомого, врача, ученого); предупреждение / предостережение; призыв / руководство к действию; советы по поведению (как носить маску, как вести себя во время ограничений); псевдомедицинские советы; народные рецепты; информация «из красной зоны» от медицинского персонала; фейковая история, замаскированная под новость или научную статью; фрагмент лженаучной статьи / исследования; конспирологическая теория; поддельные официальные документы).

Далее корпус был лемматизирован, из текстов была удалена нерелевантная для анализа информация (пунктуация, графические символы, функциональные слова (союзы, предлоги, местоимения и т.д.) с помощью Natural Language Toolkit (NLTK) в Python. Обработанный корпус

содержит 26,964 слов и 16,002 уникальных словоформ. С помощью комплекса инструментов автоматизированного анализа текстов Voyant Tools [5, с. 153] была рассчитана частотность использования слов в диахронии (в каждый из месяцев первого года пандемии). Корпус был зарегистрирован как база данных [6] в Роспатенте, и, приводя примеры текстов в данной работе, мы ссылаемся на это базу.

Согласно проведенному анализу частотности слов в корпусе, одним из лексических трендов при создании дезинформирующих текстов о COVID-19 является использование неологизмов и дисфемизмов. Большая часть зафиксированных в текстах неологизмов – это существительные, образованные в результате морфолого-синтаксического словосложения. Они не называют новые объекты или реалии, а используются для обесценивания или высмеивания феноменов, уже имеющих названия (*пандемия-пландемия*, *коронавирус-барановирус* и т.д.). Разнообразие форм дисфемизмов в корпусе небольшое (7 зафиксированных слов), однако частотность использования этих лексических единиц высокая, всего они встречались 95 раз в различных дезинформирующих эпизодах на протяжении года.

Изучив контексты, в которых зафиксированы неологизмы, мы приходим к выводу о том, что во всех случаях эти слова имеют негативную коннотацию, а их использование в текстах связано со стремлением авторов поставить под сомнение целесообразность новых правил, продиктованных пандемией (ношение масок, тестирование на ковид и т.д.). Самый частотный неологизм в корпусе – это *пландемия* (*план+пандемия*, 34 случая употребления), он используется вместо термина *пандемия* и связан с теорией заговора о том, что пандемия коронавируса была спланирована американскими миллиардерами в кооперации с ВОЗ еще десятилетие назад.

В текстах, призывающих к отказу от вакцинации и отрицающих существование вируса в принципе, вместо терминов *ковид-19* и *вирус* используются более 10 новых слов, выступающих в качестве эффективного средства формирования негативного мнения. Рассмотрим наиболее продуктивную схему неологизации, согласно которой слово образуется посредством замены одной из основ в сложносоставном термине *коронавирус*. В последующих примерах все слова используются как синонимы терминов *ковид-19* и *коронавирус*, но с резкими негативными коннотациями, так как они построены на негативных ассоциациях и аналогиях. Так, второй по частотности неологизм *барановирус* основан на сравнении людей, признающих коронавирус, с баранами (*баран+вирус*, 20 случаев употребления). Следующий популярный неоло-

гизм *макаронновирус* (*макароны+вирус*, 16 случаев употребления в корпусе), связан с идиомой «вешать лапшу на уши», означающую «лгать, вводить в заблуждение». Таким образом, лапша/макароны символизируют ложь, а вирус сравнивается с обманом населения. В основе других новых слов лежит аналогия: *коронавирус* приравнивается к бешенству – *коронабесие* (*корона+бес*, 7 зафиксированных слов), сравнивается с мошенничеством – *коронаафера* (*корона+афера*, 5 слов в корпусе), с паранойей – *короноя* (*корона + параноя*, 4 случая употребления) и тиранией – *ковидтирания* (*ковид+тирания*, встречается в четырех эпизодах).

Значительно меньше представлены в корпусе существительные, используемые для обозначения групп людей: *масочник* (10 слов в корпусе), *безмасочник* (14 слов) *ковидиот* (*ковид+идиот*, 5 слов). Интересно, что последний неологизм используется в текстах фейковых историй в двух противоположных значениях. Так, *ковидиотами* называют тех, кто отрицает COVID-19 и его опасность, а также тех, кто, напротив, очень боится заражения и поддается панике, совершая крупные закупки товаров.

Перечисленные выше новые слова используются при обсуждении целого спектра тем. Однако все эпизоды, в которых были зафиксированы новые оценочные вариации термина *ковид-19*, объединены идеей ковид-диссидентства (отрицание вируса в принципе и критика всех связанных с ним аспектов: тестирования, вакцинировании, масочного режима, ограничительных мер и т.д.). Так, большая часть всех случаев использования неологизмов в корпусе приходится на эпизоды, в которых разворачивается один из следующих сюжетов:

1. Ковид не представляет реальной опасности, маски и перчатки бессмысленны: *«Масочники начали болеть? Увидел в ленте: дама из кастинг-агентства, набирающая людей для ток-шоу, повесила объявления о наборе в ... патрульные в парках – следить за соблюдением масочного режима. Неужели доблестные правоохранители не справляются? А, видимо, они просто начали болеть, ибо два месяца уже не снимают маски и перчатки. Знакомый врач сказал, что это неизбежно. <...>»* [6].

2. ВОЗ или другие международные организации признали бесполезность использования масок/тестов: *«Не прошло и полтора года, как CDC признал, что PCR-тесты не подходят для тестирования на барановирус, поскольку не могут отличить его от других болячек, находят в пепси-коле и арбузе. Лабораториям дан срок до 31 декабря, после чего им нужно будет перейти на другие способы тестирования. <...>»* [6].

Следующая группа слов – это дисфемизмы, которые представляют собой маркированные лексические единицы, отличающиеся от нейтральной лексики наличием мотивированности (страх, ненависть, презрение и т.д.) [7, с. 59]. В исследуемом субдискурсе агрессивный потенциал этих слов был использован в критике масок и вакцин. В 27 эпизодах вместо слова *маска* использовалась грубая замена *намордник* (35 слов в корпусе), а вакцину, начиная с декабря 2020, в фейках часто называли *жижей* (21 слов), *бульоном* (9 слов) и *субстанцией* (19 слов). Таким образом, в дезинформирующих текстах средства защиты превращаются в инструменты контроля и обмана населения. Например: *Театр абсурда постоянно набирает обороты. Вот только вчера смотрела, как футболисты приезжают в автобусах на стадион все в намордниках. Заходят под камеры ТВ в раздевалки, а затем происходит волшебство – из раздевалки на поле все выходят без намордников. <...> Ну, видимо, вирус боится потных мужиков, гоняющих мяч по полю. <...> А все верят в то, что их кто-то отчего-то спасает. Хотя нет, не так. У них есть программа, и на не может измениться. <...>*» [6].

Подводя итоги, отметим следующую корреляцию. Периоды роста популярности текстов, в которых используется дисфемизм «намордник» и агрессивно доказывается бесполезность и вред масок, совпадают с такими событиями, как введение требования ношения масок и перчаток в публичных местах в Москве (12 мая 2020 года) и активная общественная дискуссия в отношении обязательного ношения масок школьниками в сентябре (начало учебного года) и в декабре 2020 – январе 2021 (перед окончанием дистанционного обучения у школьников). Слово *бульон* как синоним *вакцины* несколько раз использовалось еще до начала массовой вакцинации в России (например, за лето – осень 2020 оно было зафиксировано 4 раза). Однако в период с ноября 2020 по март 2021 существительные *жижа* и *субстанция* занимают лидирующие позиции среди дисфемизмов в корпусе. Предполагаем, что большое количество текстов, ставших вирусными в этот период, способствует быстрому «стиранию» дисфемизмов, а именно они стимулируют процесс, при котором часто повторяемое грубое слово перестает производить необходимый эффект на читателя, и авторам дезинформирующих текстов требуется новая экспрессивная замена.

Библиографические ссылки

1. Infodemic. World Health Organization [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.who.int/health-topics/infodemic#tab=tab_1 (дата обращения: 30.08.2021).

2. Sinclair J. Corpus, concordance, collocation. Oxford : OUP, 1991. 179 p.
3. Stubbs M. Texts, Corpora, and Problems of Interpretation: A Response to Widdowson // *Applied Linguistics*. 2001. №22 (2). P. 149–172.
4. Baron A., Rayson P., Archer D. Word frequency and key word statistics in historical corpus linguistics // *Anglistik: International Journal of English Studies*. 2009. №20 (1). P. 41–67.
5. Sampsel L. J. (2018) Voyant Tools // *Music Reference Services Quarterly*. 2018. №21 (3). P. 153-157.
6. Моногарова А. Г., Багрян А. Ю. Русскоязычный банк параллельных электронных текстов, содержащих вербальные маркеры манипулятивного воздействия и фактологическую информацию. Свидетельство о государственной регистрации базы данных №2021621693 от 10.08.2021.
7. Terry A. Euphemistic dysphemisms and dysphemistic euphemisms as means to convey irony and banter // *Language and Literature*. 2020. №29 (1). P. 57–75.